

Калужский меденат (прил. к газ. Весте) - Калуга, 2005 - 18 февр. - с 4-5

Виктор БОЕВ

Свой медовый месяц Марина Цветаева и Сергей Эфрон решили продлить в Тарусе, небольшом подмосковном городке, чем-то напоминавшем Швейцарию. Здесь Цветаевы взяли в аренду дачу - серый дощатый дом под ржавой железной крышей. Лесенка с нижнего балкона спускалась прямо в заросший сад. Старая скамья под ивой и качели у высокого плетня с калиткой. Здесь они отдыхали каждое лето.

В мае 1912 года молодые жены выехали с Курского вокзала, добрались до Тарусской станции, а оттуда семнадцать верст на лошадах по глинистой, с глубокими колеями и ухабами дороге до паромы.

После блистательных и шумных игр и карнавалов Франции, Италии и Германии захотелось вдруг тишины и покоя, тем более к осени Марина ждала ребенка. Захотелось, как в детстве, побегать по упругому лугу с цветущими маками, спуститься ивовой долиной к широкой Оке и вдоволь надышаться целебным воздухом красного соснового острова. А может, удастся встретить кого-то из прежних друзей, развести с ними костер, покуривать в кучах душистого сена?

Детство! «Мы были дочери почти царя, почти царевны», - напишет она потом. Усмехнулась тонкими ироничными губами, вспомнив, как складывала язык трубочкой, шептала ушами, веером раздвигала пальцы на ногах. Ее ровесники смотрели на нее с почтением и завистью, как на существо с другой планеты. Такие «фокусы» никому не удавались. Иностранцы гувернантки, репетиторы с ужасом смотрели, как она дралась, кусалась, ходила тайком в ночь Ивана Купалы искать огневой цветок папоротника и возвращалась от хлыстов с лицом, размазанным земляникой. И это дочь почтенного профессора Московского университета родом из священнослужителей и матери, такой строгой и безукоризненной в нравственных вопросах!

Детство! Праздники, обряды, песни деревенских девушек, сказки, над которыми она обливалась слезами, черная как смоль вода в лесном омуте и на ней золотистые кувшинки, малиновые, брусничные места... А радуга над Окой? А кукушки? А гирлянды цветных фонарей на деревьях по праздникам?

Хорошо быть красивым, быстрым и косящим, дразняя темноту, Любаваться безумными искрами и, как искры, сгореть на лету.

Сгореть, осветив и удивив этот мир чудесным фейерверком! И больно, и сладостно было это возвращение в Тарусу. Шесть лет назад здесь умерла от чокотки мама. Рана от этой потери не зажила и, наверно, не заживет никогда. Мама! Как шедло одарила ее природа! Она была страстной пианисткой, любительницей живописи, владела четырьмя иностранными языками, переводила книги, помогала мужу строить москов-

ский Музей изящных искусств, собирала по всему миру экспонаты, даже на Урал ездила, уже больная, чтобы подобрать для строительства белый мрамор. И сгорела, как искра на лету. Но какое чудесное детство подарила она своим дочерям, передав им все, что умела и

любила сама! Одного не выносила ее душа: лжи. Она всегда была потрясана искренностью и откровенностью. Жаль, что не дождалась, не узнала, что именно эта открытость, исповедальность сделает ее дочь знаменитой уже в семнадцатом лет.

После смерти мамы дети прочтут в ее дневнике: «Марина ходит вокруг меня и все складывает слова в рифмы, может быть, будет поэт?» В семь лет Муса отождалась на концерт для гостей - она великолепно, как и мама, играла на рояле, тонко чувствовала музыку. Рано пристрастилась к взрослым книгам, читала их по ночам, пряча под подушкой. Не могла оторваться от Пушкина, Данте, Гете, Расина, Шекспира, французских романов. Рано поняла, что миром правит воображение, что слово - это колдовство, удивительным образом преображающее жизнь. В четырнадцать лет написала повесть, пропустив через «магический кристалл» будни старшей подруги интерната, следов их жизнь ослепительной, романтической и увлекательной.

В этот же год ее вежливо выставили из гимназии: за дерзкие споры с учителями, за непочтение к начальствующим лицам, за то, что на уроках демонстративно читала книги, за бурное выражение чувств, за пристрастие к революционерам, за опасное влияние на подруг, которые без совета с ней ничего не делали. Ее пытались приструнить, угоризить. Но она ни в чем не знала меры, шла напролом, не считаясь с правилами и обязанностями учебного заведения. Любимыми ее героями были Икар, Прометей, Наполеон II, Жана д'Арк, Антигона, лейтенант Шмидт, русская художница Мария Башкирцева.

Ее притягивало все необычное, волновали подлинность и бурные страсти. Башкирцева, умершая от чокотки в 24 года, потрясла ее своим «Дневником». Аналитический ум, прозорливость, огромная работоспособность, целеустремленность - все это дало русской художнице в Париже возможность осуществить свое образование по соб-

ственной программе. Башкирцева безумно боялась не успеть все узнать, охватить, потерять время даром, потому что свою раннюю смерть предвидела еще в отрочестве.

Марина хотела во всем походить на свою героиню, ходила как сомнамбула, бормоча целые страницы из «Дневника» и разговаривая вслух с Башкирцевой, словно та была живая. Во многом они были схожи: бунтарским характером, силой воли, неукротимыми страстями...

ром, силой воли, неукротимыми страстями...

Всего хочу с душой цыгана Идти под песни на разбой. За всех страдать под звук органа И амазонкой мчаться в бой. Гадать по звездам в черной башне...

Встретившись с Мариной в Крыму на даче поэта Максимилиана Володина, Сергей сразу понял, что имеет дело с необычным явлением. Круглое, с упрямым подбородком лицо, высокий чудесный лоб с откинутыми назад русыми волосами, гордые, пытливые, насмешливые ярко-зеленые глаза с искорками доброты, грусти и застенчивости, иногда рассеянные от близорукости, иногда погруженные в себя. Сколько в ней лиц? И сколько душ? В спорах даже с Володиным была независима, упряма, разговаривала как с равным себе.

Ваша мистификация с вымышленной поэтессой Черубиной де Габриак мне кажется оскорбительной. Из простой учительницы, пишущей банальные стихи, вы попытались с помощью своего таланта сделать гения и представить в таком виде публике. Мак! Я бы за это вызвала вас на дуэль.

Да вызывал уже один сумасшедший, миролюбиво отозвался Макс. - Но ведь жизнь без шуток скучна, согласитесь.

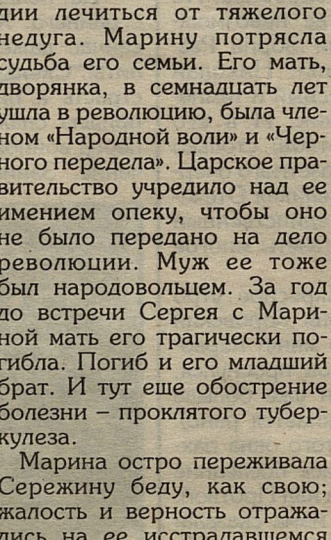
Шутка не должна оскорблять человеческого достоинства.

Мятенжница в синей майке с вихрем в крови? Кто-то сказал, что кормилицей ее была цыганка. Кто-то добавил, что в жилах ее течет гремучая смесь из пяти кровей. Кто-то сравнил ее с экзотической птицей, случайно залетевшей в чуждый ей мир, чтобы очаровать его дивными песнями. Даже магистр Волошин, изумленный ее свежестью и богатством ее образов в стихах, свободным владением размерами, ритмами, афористичностью, безупречным вкусом, воскликнул как-то после чтения ее «Вечернего альбома»:

Ваша книга - это ведь отсюда. Утренняя, благостная, нежная... Я давно уж не приемлю чуда... Но как сладко видеть: чудо есть. Серезу она полюбила не только за красивое, узкое, благородное лицо, темный разлет бровей и за огромные, как у святых на иконах, страдающие синие глаза. Он приехал в Крым из Финляндии лечиться от тяжелого недуга. Марину потрясла судьба его семьи. Его мать, дворянка, в семнадцать лет ушла в революцию, была членом «Народной воли» и «Черного пера». Царское правительство учредило над ее именем опеку, чтобы оно не было передано на дело революции. Муж ее тоже был народовольцем. За год до встречи Сергея с Мариной мать его трагически погибла. Погиб и его младший брат. И тут еще обострение болезни - проклятого туберкулеза.

Ваша книга - это ведь отсюда. Утренняя, благостная, нежная... Я давно уж не приемлю чуда... Но как сладко видеть: чудо есть.

Серезу она полюбила не только за красивое, узкое, благородное лицо, темный разлет бровей и за огромные, как у святых на иконах, страдающие синие глаза. Он приехал в Крым из Финляндии лечиться от тяжелого недуга. Марину потрясла судьба его семьи. Его мать, дворянка, в семнадцать лет ушла в революцию, была членом «Народной воли» и «Черного пера». Царское правительство учредило над ее именем опеку, чтобы оно не было передано на дело революции. Муж ее тоже был народовольцем. За год до встречи Сергея с Мариной мать его трагически погибла. Погиб и его младший брат. И тут еще обострение болезни - проклятого туберкулеза.

Марина остро переживала Серезину беду, как свою; жалость и верность отражались на ее истраулавшемся лице. Она настояла, чтобы они вместе поехали в уфимские степи на кумысы. «Там я за тебя возьмусь как слепа». Так они и сделали. Подождав, когда Серезу исполнит восемнадцать, она решила никогда больше не расставаться с ним. Оба были деятельными альтруистами, а он еще и великодушным рыцарем.

Одно ее смущало: он бурно рвался в политические раздоры, мало в них разбираясь. Хвалился, что в семь лет «прятал бомбу в штанах» и участвовал во многих опасных заданиях, то есть был наследником народовольческой жертвенной российской интеллигенции. Марина тоже была нетерпелива, однако путаться с политикой не хотела. Вернее, хотела была независимой от любого авторитета, от любой власти и силы, в том числе от политики, где лгут и фальшивят напропалую. Она была убеждена в праве человека на внутреннюю свободу. Она хотела писать без оглядки.

За оловянно блестящей Окой показалась на крутых холмах Таруса в голубой утренней дымке. Марина сразу разглядела среди цветущего яблоняного сада свою дачу, и дрогнуло сердце: два года назад на нее объявили торги, и ею не без хитрости завладел местный земский начальник Петров.

Решили остановиться у Султанов Мейн, по прозвищу Тью, швейцарки, бывшей эко-номки дедушки и бонны мамы.

Тью, седеющая, в черепаховых очках, встретила гостей у калитки в своем атласном, невообразимо широком, с растрепанными, пыльные с большими букетом сирени. В доме тети было красиво, нарядно, уютно: ковры, хрусталь, чехлы на мягкой мебели, сервизы, венский шкаф, часы, ивразие, как оркестр. Под обаянием светилась лампадка. За столом подавала прислуга в белой коронке. Перед каждым прибором стояла коробка шоколадных конфет с золотыми шипчиками. А за окнами - темные коридоры старого сада.

Чай пили на веранде с резными деревянными украшениями, на белоснежной скатерти. В синих с золотыми обоями бокалах зеленела мятная вода. Тетушка душила Марину в объятиях, закармливала, задаривала, вспоминала прошлое. Потом пылливо глянула из-под очков:

- Говорят, ты готовишься выпустить в Москве уже вторую книгу?

Марина вспыхнула, смущенно оглянулась на Сергея.

- Это только первые опыты.

- Ну, не важничай. Прочитай, - попросил Сергей, - порадууй тетюшку.

- Быть, несмотря на наш двадцатый век. Такой счастливой! Не слушаю о тайном сходстве душ. Ни всех.

Всем говорить, что у меня есть муж. Что он прекрасен!..

- Ты такая же эксцентричная, вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

вызывающая, как в детстве, - улыбнулся Тью. - И сговоренная. Когда злилась,

Татьяна РЫЖОВА

(ЮХНОВ)

Меденат

Уйду в рассвет, земле наискосок. В пустой карман дождик соберу. Я буду пить берез апрельский сок И целовать упругую кору. Я буду жить одним лишь только днем Среди полей растерянной весны, Я буду жечь судьбу как огонек. Как золотой осколок луны. Я буду знать, что там, среди людей. Где я когда-то столько лет жила, Кому-то нужен свет судьбы моей. Кого-то греет горсточка тепла. И этот свет, покинув плен берез, Уйдет на зов далеких чужих-то рук. И я, глотнув то ль сока, то ли слез, Навек пойму, что в мире нет разлук. Я буду знать, что там, среди людей, Где я всегда потерянной была, Кому-то нужен свет судьбы моей. Кого-то греет горсточка тепла.

Вам

А мне бы с неба звезд наворовать, Вам, обжигая руки, принести. А мне б найти все лучшие слова. Для Вас открыть все лучшие пути. Мне б Вам рассвет в пригоршне подарить. Нарвать берез, как будто васильков. Мне б напоить Вас чаешкою зари И в жаркий день Вам под ноги рекой. Вы просто знайте, что на всей земле, Пусть сотни лет, пусть тысячи пройдут, Когда Вам просто нужен будет свет, Я принесу Вам желтую звезду.

Замела, засыпала, ошалела. В небе звезды вымерли - тишь да муть. Сердце, забелевшее, заболело. Перестань, метельца, дай уснуть. Все пути засыпаны, все дороги. Пух лебяжий стелется с крыш пустых. Мне бы в поле выбежать, только ноги Не идут: запутались в снег иль в стик. Я бы шубу сбросила, мне не жалко, И по полю вьюжному без огляд. Как метель распутная, как русалка, Заплескала б в радуге декабрь. Напила бы снега я, опьянела, Захлебнулась, силы нет, от пуги. Я тобой, метельца, заболела, Лишь тобой, холодная, нет других.

Наталья ГОЛОВАТЮК (Калуга)

Спустишь к потонному мосту, Оку пощупаю глазами. Я все еще душой расту, Как леса свод под небесами. Я все еще, как гладь воды, Подвержена капризам ветра: Жду счастья и боюсь беды У сто второго километра.

Сегодня тихо на душе, А впрочем, так же как в природе. Я все еще или уже Одета не совсем по моде. Рыжест, падаю, листва, Подобно майскому салюту. Мне четверть века. Я жива Благодаря таким минутам.

Ты уходил, теряясь в листопаде, Воруя осень из моей квартиры. Ты уходил уверенно, а сзади Тащился за тобой кусочек мира. Моей души, отвергнувшей дорогу, Моей тоски, застывшей у порога. Моих обид, не принятых тобой, Готовым жить не с избранной, с любой. Дожди рыдали, разрывая тучи. И мне казалось, ты был самым лучшим Мужчиной, заглянувшим ко мне в гости Семь лет назад, почти в такую ж осень.

Сравнение

Ты душу мою сравниваешь с цветом, Насыщенным, как мак, кроваво-красным. И, ухмыляясь, говоришь при этом, Что быть поэтом женщине опасно. Ты душу мою сравниваешь с кровью. А я молчу и ни о чем не спорю. Хотя и знаю, что с твоей любовью Ассоциируется у меня цвет горя.

Сор

Наполни душу тишиной, Избавься от ненужной спешки. Присядь, не торопись, со мной Пошелкай грецкие орешки.